

Юй Чжифан изменилась в лице:

— Что в этом мертвце хорошего, что ты всё время о нём вспоминаешь? Если бы не я, ты бы давно погиб от его рук!

— Я знаю, поэтому все эти годы я старался отплатить тебе за добро, а также за то, что ты отправила меня в детский дом.

— Наньнань, всё это уже в прошлом. — Лицо Юй Чжифан побледнело от слов Се Инаня, и она поспешила сменить тему. — Значит, на Новый год ты снова не вернёшься?

— Да.

— Ну, тогда...

Се Инань усмехнулся. Наконец-то дошло до сути.

— Может, переведёшь немного денег?

— Сколько?

— Триста тысяч!

Се Инань сжал железные перила балкона, изо всех сил стараясь удержать равновесие:

— Ты снова играешь?

Юй Чжифан облизала губы, в глазах её загорелся жадный блеск:

— Новый год, расходы всегда большие. Да и отыгаться тоже нужно.

— У меня нет таких денег!

— Тогда займи! Кредиторы уже на пороге, как я этот год переживу?

— Ты думаешь о Новом годе? А ты задумывалась, смогу ли я его нормально встретить? — Се Инань зарычал, словно раненый зверь, каждое слово было пропитано гневом.

Юй Чжифан равнодушно ответила:

— Тогда возвращайся домой на праздники! Скажи мне, какая от тебя польза? Ты просто презираешь меня за то, что я играю! Если бы я тогда тебя не отправила...

— Замолчи! — Се Инань крикнул, и Юй Чжифан вздрогнула, отодвинув телефон подальше. — Завтра переведу. Больше мне не звони!

Юй Чжифан повесила трубку, скривила губы, посмотрела на себя в зеркало, взяла сумку и вышла из дома. Вечером у неё была назначена игра, и она обязательно отыграется. Даже если проиграет, завтра придут деньги от Се Инаня, и всё равно будет на что жить.

Се Инань дрожал от ярости, глаза его были плотно сомкнуты, лицо побелело. Почему у него такая мать, которая постоянно тычет ему в самое больное место? Деньги, деньги, деньги — в её глазах ничего, кроме денег и этого мужчины!

Тай Тяньбао — человек, которого он хотел бы уничтожить, разорвать на куски!

Се Инань сжался в комок, чувствуя, как холод и боль пронизывают его тело. Сердце словно пронзили ножом, и оно истекало кровью. Ледяной ветер был ничто по сравнению с холодностью семьи, каждый раз он возвращался домой с новыми ранами.

Се Инань дрожал, его красивые глаза потеряли блеск, полузакрытые, они не могли разглядеть ничего вокруг. Губы посинели, зубы стучали, он бормотал несвязные слова:

— Суй Хуае... Суй, Суй Хуае, так холодно...

Цзун Минъян стоял перед ним, долго молчал, а затем с холодным выражением лица поднял его.

Се Инань, ища источник тепла, крепко прижался к его груди:

— Суй Хуае, мне холодно!

— Я Цзун Минъян... Ты запомнишь меня навсегда.

Он усмехнулся, бросил Се Инаня на кровать, стянул с него штаны. Медленно расстегнул свою молнию, нацелился и с силой вошёл. Звук рвущейся ткани вызвал у него головокружение, вкус крови и выделений принёс чувство удовлетворения от победы.

Се Инань побледнел, руки его сжали простыню, изо рта вырывались болезненные стоны, он не мог понять, сон это или реальность. Та же жестокость, та же боль, та же беспомощность, что и в восемь лет. Он не смел кричать, не смел сопротивляться, мама была в больнице и ждала денег на лечение. Если он будет послушным, мама вернётся домой, и он не останется один.

Он широко открыл рот, перед глазами всё расплывалось, боль в теле продолжалась, не было счастья, только страх. Невидимая сеть удерживала его, он мог только лежать голым, позволяя другим делать с ним что угодно, а лица за сеткой были такими зловещими...

Цзун Минъян закончил, увидев, что Се Инань не двигается, и с испугом проверил его дыхание. Оказалось, что он потерял сознание. Мелкие капли пота смешались со слезами, испачкав простыню.

Он выругался, пошёл в ванную, взял полотенце и осторожно вытер следы, затем накрыл его одеялом.

Се Инань всю ночь бормотал несвязные слова, неразборчивые, непонятные. Ночью Цзун Минъян дал ему две таблетки жаропонижающего, и ему стало немного лучше.

На следующий день из кухни доносился звук посуды, всё было в беспорядке.

Се Инань медленно открыл глаза, незнакомая обстановка смутила его. Он замер на пять минут, прежде чем вспомнил, что у него больше нет дома, это съёмная квартира Цзун Минъяна.

Он с усилием поднялся, почувствовав тупую боль внизу, и невольно вскрикнул. Цзун Минъян тут же подбежал, держа в руке лопатку.

— Что случилось? Тебе лучше? — Тёплая рука легла на его лоб, Цзун Минъян с заботой в голосе спросил.

Се Инань побледнел, не понимая, что произошло вчера, что вызвало такой дискомфорт.

Цзун Минъян, видя, что тот смотрит на него, покраснел и смущённо произнёс:

— Ты, ты вчера всё время приставал ко мне. Я, я не сдержался... и, и сделал это.

Се Инань удивился, открыл рот, но в итоге ничего не сказал, только пробормотал, что голоден.

— Еда почти готова, иди умывайся. — Цзун Минъян улыбнулся и поспешил обратно на кухню.

Се Инань медленно встал с кровати, каждый шаг причинял ему боль. У него были вопросы, но он не мог их задать. Вчера у него был приступ, он знал это, и боялся услышать от Цзун Минъяна то, что не хотел бы знать.

Увидев, что Цзун Минъян готовит для него завтрак, он отложил свои сомнения. По крайней мере, тот его не ненавидел.

— Завтрак готов! Инань, иди сюда! — Цзун Минъян налил две миски каши, она была хорошо проварена, аромат риса наполнял кухню. Живот Се Инаня предательски заурчал, он медленно сел и начал есть.

Цзун Минъян с улыбкой спросил:

— Как вкусно?

— Вкусно.

— Ешь больше, мне тоже нравится.

Се Инань кивнул, ел маленькими глотками, каша была ещё горячей, и он вспомнил, как Сюй Хуае давал ему молоко, которое он держал близко к телу, чтобы оно не остыло. Было ли оно таким же горячим?

Цзун Минъян посмотрел на Се Инаня, заметив его рассеянность, и почувствовал лёгкую досаду.

— Сегодня пойдёшь на работу?

— А? — Се Инань посмотрел в окно, уже было поздно, а он даже не позвонил. Что подумает Фэн Шан? В другой компании его бы уже уволили. — Пойду после обеда.

— Хорошо. — Цзун Минъян улыбнулся. — Если плохо себя чувствуешь, возьми отгул.

Се Инань замер, прежде чем понял, о чём тот говорит, и покраснел. Его бледное лицо с румянцем выглядело очень мило, и Цзун Минъян не мог оторвать взгляда, чувствуя, как его мысли начинают блуждать.

— Инань? Мне кажется, ты не такой, как в первый раз, когда я тебя увидел?

— А, тогда я был нездоров. — Се Инань ответил не задумываясь, сам не понимая, почему не сказал правду, что покрасился.

— А. — Цзун Минъян снова улыбнулся, подавив недовольство, и съел ещё пару ложек каши.

Внезапно он сильно закашлялся, только что съеденная еда разлетелась во все стороны. Он крепко прикрыл рот рукой, лицо его покраснело.

Се Инань поспешно поставил миску и легонько похлопал его по спине:

— Что случилось? Только что всё было нормально!

Цзун Минъян посмотрел на него, хотел что-то сказать, но снова закашлялся, согнувшись, как креветка, лицо уткнувшись в колени, спина поднималась и опускалась с каждым кашлем.

Се Инань побежал на кухню, налил стакан воды:

— Цзун Минъян, выпей воды, успокойся. Что происходит?

— Кх-кх-кх... кх-кх!

Кашель, становившийся всё сильнее, словно молот бил по сердцу Се Инаня. Что бы он ни делал, Цзун Минъян не мог остановиться, казалось, он выкашлял бы лёгкие.

Се Инань метался, вдруг вспомнив о ком-то, поспешил в спальню, взял телефон и набрал номер.

Ша Минчжао только что ответил, как Се Инань тут же спросил:

— Цзун Минъян всё время кашляет! Мне везти его в больницу?

— Тогда приходи...

— Цзун Минъян? Цзун Минъян? — Се Инань не расслышал, что сказали в трубке, его глаза широко раскрылись, рука, держащая Цзун Минъяна, дрожала.

На его руке была кровь, ярко-красная кровь хлынула изо рта Цзун Минъяна, особенно заметная на белом полу. Цзун Минъян, услышав его крик, слабо открыл глаза, тело его обмякло, и он без сил упал на Се Инаня.

<http://bllate.org/book/16219/1457089>